
РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

ВИДЕТЬ СВЕТЛОЕ...

Максим Осипов. Волною морскою. Повести и рассказы. М., «Астрель», «Corpus», 2014, 288 стр.

Не стану кривить душой — наткнувшись абсолютно случайно (подумалось тогда: незнакомый писатель — вдруг что интересное) в журнале «Знамя» на рассказ Максима Осипова «Москва — Петрозаводск», я сразу и навсегда полюбил прозу этого автора. Да так, что несколькими годами позже, готовя для издательства сборник своих рассказов, набравшись наглости и найдя адрес электронной почты, обратился к Осипову с просьбой прочитать мою, еще не изданную тогда книгу и, если возможно, конечно, написать к ней предисловие. Ответ пришел достаточно быстро. Мне скромно отказывали — он, де, не слишком известный автор, чтобы писать предисловия, есть имена и поярче, обратитесь к ним. Да мы и не знакомы. Я пытался настоять — в скромности, по незнанию своему и глупости искал позерство, желание поднять себе цену — пытался спорить, убедить: дело не в известности, а в уважении, в конце концов. Нет — ответ был окончателен и не подразумевал дискуссии. И вообще, он очень мало пишет сейчас. Литература требует особого состояния души. Кто бы знал тогда, что минует чуть больше года и я буду писать рецензию на его книгу. Неисповедимы пути господни.

Осипов и правда мало пишет. Большие рассказы и короткие повести. Три, максимум четыре в год. Печатается в литературных журналах. Издает книги. Думаю, не ждет ответа из редакций и издательств, не переживает: примут — не примут, напечатают — не напечатают. Осипова нельзя не печатать. Его рассказов ждут. Почему? Осипов — это Чехов наших дней, сказал мне как-то один знакомый писатель из Сибири. Не могу с ним не согласиться. Да к тому же он доктор, этот Осипов. Врач. В очках. А Чехов был в пенсне.

В новом, недавно изданном сборнике «Волною морскою» восемь рассказов. Ну или если быть точным — шесть рассказов и две повести. Четыре взяты из предыдущей книги автора — «Человек эпохи Возрождения», изданной двумя годами ранее. Еще четыре — новые, написанные за последний год. Привычная для мало пишущего человека картина. Не беда. Хорошие вещи, прочитанные дважды, усиливают приятные воспоминания.

«Москва — Петрозаводск»¹ тоже здесь. Удивительный рассказ, чуть выбивающийся из творчества Осипова. Немного, слегка, на мой взгляд. Кто-то скажет — лирический детектив. Возможно. Есть трупы, но не на страницах, где-то за ними, уже случилось, мы узнаем по факту, позже. Есть полковник, милиционер, полицейский — не важно. Тот еще персонаж, колоритный — как это Осипов так просто, без жонглирования словами умеет сочно написать человека — «он сидел на пустом диване, без подушки и одеяла, одетый в майку и тренировочные штаны... совершенно лысый, без усов и без бороды, но со множеством волос из ушей и из носа — отовсюду, откуда волосы расти не должны». Есть даже погоня, точнее задержание, так, кажется, надо говорить, коротко совсем — убийц поймали сразу, на выходе из поезда. Но это все подводка. Главное в рассказе — переживания героя. Он врач, хочет помочь больному, «белая горячка», но все случается иначе, больной — убийца, два трупа, садист, полковник показывает несколько фотографий: «Проходили мы судебную медицину, но это было другое. Мне стало плохо, и я этого не сумел скрыть». В рассказе совсем нет позитива, разве девушка из соседнего купе, впрочем, про нее лишь вскользь — «милая»! Все герои в минус — менты, бьющие убийц прилюдно, с нескрываемым удовольствием, сами убийцы, сосед — надменный snob: «...это не наша страна, это — их страна <...> в этом поезде даже нету СВ», полковник... Кто-то скажет, что Осипов пишет все негативное, что есть в нашей жизни. Не

---

¹ Этот рассказ («Знамя», 2010, № 5) принес Осипову Премию имени Юрия Казакова за лучший рассказ года.

согласюсь — Осипов пишет жизнь такой, какая она есть, ничего не приукрашивая и не внося лишнего. Простым, доступным, понятным, но в то же время удивительно тонким, я бы сказал, интеллигентным, чеховским языком. Это — наша страна. Осипов вроде сбоку, отстраненно, как врач... но с болью. О ней... Врач не должен пропускать страдания больного через себя, иначе как жить с этим.

Многие сюжеты Осипова кто-то назовет излишне простыми. Возможно. Но ни в коем случае не банальными. Да, зачастую все очевидно. У Осипова нет «востребованного» сегодняшним изредка читающим обывателем «экшена», хитро завороченных сюжетов, леденящих сердце трагедий. Предопределенность, неизбежность, фатальность событий проступает нередко с первых страниц — загадываешь про себя, чем все закончится, и угадываешь, не всегда, но часто. Впрочем, эта предопределенность не вредит повествованию, истории не становятся менее интересными, в них ищешь ответ на вопрос — смогут ли герои бороться с фатумом или они слабы и плывут подгоняемые волною морскою. Осипов осознанно в своих рассказах не создает интриги. Его герои, подобно чеховским «злоумышленникам», просто живут как им предначертано. И не стремятся быть другими. Понимаешь, чем закончится «Кейп-Код», очевиден финал «Человека эпохи Возрождения» со стреляющим в ворон с 17-го этажа главным героем. Кажется, жизнь им всем нагадала цыганка из одноименного рассказа. Предопределенность осиповских рассказов не допускает мысли перелистнуть пару страниц — зачем читать, если все понятно? Может быть, кого-то другого и перелистнул бы. Но не Осипова. Редкий дар у писателя. Все просто и очевидно во многом, но держит.

Проза Осипова грустна. Он — чрезвычайно грустный писатель. Пессимист. Рассказы его — доза депрессанта (не наоборот). Так иногда пишут уехавшие. От ностальгии. Впрочем, от уехавших Осипова отличает любовь и сострадание. Его надо читать в дождь, на даче, на веранде. Еще осенью. Ветер качает сосны, клены бросают на землю листья, немного моросит. Осипов — писатель депрессивный. И все же светлый. Пусть даже пробивается этот свет через нагромождение серых облаков. Здесь не найти веселых историй. Одиночество — основной фон, на котором развиваются все его сюжеты. Герои Осипова одиноки и не стремятся вырваться из этой привычной для них и ставшей почти комфортной среды. «Умение слушать себя» — так характеризует своих героев автор. Они родились быть одинокими и даже, когда им дается шанс что-то изменить, они не торопятся им воспользоваться.

Вот, скажем, скрипачка из рассказа «Польский друг». Недавно окончила консерваторию. «Поездки, поездки — на фестивали, на конкурсы: не жизнь, а сплошной рев турбин, стук колес...» Всегда одна, придумала случайно как-то историю про польского друга, да не историю даже, просто мысль — да, он есть, какой, не важно, польский — и живет с этой мыслью год за годом. «А давайте напишем Рому с Виталиком, как ты думаешь? — пытается вытащить ее из одиночества подруга, — шашлычков поедим, поговорим за жизнь. Можешь с Ромой положить, а можешь с Виталиком. Тебе кто больше нравится?» Все же так просто. Но не нужно. «Очень заманчиво. Но, увы. Должен явиться один человек...» Должен появиться польский друг — не как выдумка для приятельниц, пограничников... Он и сейчас есть. Но пока в мечте. «Ни имени, ни голоса, ни лица, так — что-то неопределимо-приятное».

И вот ей уже за сорок, большая часть жизни позади, «западноевропейский город. Фестиваль камерной музыки, очень привлекательный вид музицирования и для участников, и для слушателей: уютный зал, всегда полный, программа отличная». И неожиданно он. Не сон, не наваждение, не миф. «Немец польского происхождения. Всю свою жизнь провел в этом городе. И ее видел, девочкой, на прослушивании в школе музыки, он тогда тоже на скрипке играл. Подойти не решился... Теперь в здешнем оркестре работает». Альтист. На концерте они будут играть вместе. Все сбывается. «Должен явиться один человек», — вспоминаем мы. «Руки у него большие, красивые... Высокий... немножко седой <...> в ней поднимается радость, особенная, из каких-то неизвестных отделов души, ничего похожего прежде не было». И он, он тоже все понимает. «В звуке альта много страсти, тепла, желания поговорить о важном, о главном, узнать про нее, о себе рассказать». Вечером они будут вместе, вдвоем, после концерта. И далее всегда. Мечта сбылась. Сбылась мечта? Да. Больше не о чем вздыхать, просыпаться утром от волнения, представлять себе — какой он, загадочно улыбаться подругам: польский друг. Мечта стала реальностью.

Нет больше мечты! «Радость, где радость? Куда-то ушла». Нет, не надо... Она уезжает. Уезжает с концерта. Наверное, подводит организаторов, говорит, что разболелось плечо, ничего, найдут замену. Садится в самолет, улетает. Почему? Мечта не должна сбываться. Иначе какая же это тогда мечта... Героиня хочет остаться одна. Ей так комфортней.

Осипов создает сюжеты из ничего. Из вопроса таможенника: «А почему виза польская?», из ночи, проведенной со случайными попутчиками в купе — каждый из нас десятки раз ездил... куда-то... с кем-то... попробуй, опиши все это, да так чтоб было интересно, из курьеза на свадьбе в «Домашнем кинотеатре» — отец и не знал, что у него есть дочь, а его, смотри-ка, нашли и пригласили, и вот он сидит, видит второй раз в жизни мать своего ребенка, а дочь, ту вообще впервые, а прошло-то двадцать с лишним, и как дальше? Из простой загадки в «Человеке эпохи Возрождения»: сколько весит кирпич, если в нем два килограмма да еще полкирпича? Как это все у Осипова просто — раз, два — и рождается чудо. Таких писателей немного. Другие бы закрутили сюжет в кольцо Мебиуса. Только вот стали бы их читать?

Впрочем, и у Осипова есть свои кольца. А точнее, спирали. Один из частых его приемов — возвращать своих героев (и читателя вместе с ним, разумеется) к началу. Нет, не началу повествования, хотя формально это именно так — к началу осмысления написанного. Да-да, некоторые рассказы Осипова так и надо читать — от начала и до конца, а потом вернуться и снова перечитать начало. Поверьте — смысл написанного для вас откроется в новом свете. Сперва ты словно не понимаешь важности посылки, не чувствуешь его, но вдруг в какой-то момент приходит ощущение, и тогда ты просто начинаешь преклоняться перед автором, способным спиралью, на новом витке вернуть читателя к первым страницам, но абсолютно другим уже, иначе, с новым пониманием, заставляя по-другому ощутить прочитанное несколькими минутами раньше, а порой и понять, ради чего живут герои.

Ярче всего это можно проиллюстрировать на примере того же «Польского друга». Казалось бы, случайно оброненная на первых страницах фраза — «одной любви музыка уступает» — обретает иной смысл к концу произведения, начинает звучать совершенно иначе. Нет ничего выше музыки для героини. Музыка выше любви. Выше мечты... В рассказах Осипова нет ничего случайного.

В «Кейп-Коде» спираль мощнее, и проходит через поколение. Отец, еще молодой, сыну восемнадцать. Поступление в институт. Но «ходили слухи (затем подтвердившиеся), что после первого курса мальчиков всех поголовно и заберут — тогда отправляли в Афганистан. Отец нашел пожилого врача-нефролога, та поставила Алеше диагноз, научила, как комиссию обмануть».

Сегодня бы сказали — «отмазал» от армии. Не все так примитивно. Отец не хочет, чтобы сын стрелял в людей. «В подобных вещах мы не станем участвовать», — говорит отец. История повторяется через двадцать лет. Только совсем иначе, по-другому, словно в издевку над героями, уехавшими навсегда из России. Сыну за сорок. У него уже свой сын. Гражданин Америки, зачатый на теплом и безлюдном пляже Кейп-Кода, он сообщает родителям — «сегодня зачислили в Военную академию. Известную как Вест-Пойнт». Но ведь могут отправить в Афганистан! Могут. «Больше того, сам он мечтает туда отправиться. Не хотелось бы, чтоб операция кончилась, пока он не успеет там побывать». Вот так. Слышал бы это отец, теперь уже дед. Но он не может слышать, его нет в живых, давно нет. Круг замкнулся.

Иногда спираль сдавливается, словно под прессом, и начинать казаться, что герои Осипова ходят по кругу, по кольцу, из которого нет выхода. В «Комбинате» вообще ничего не происходит. Провинциальная жизнь провинциального городка. Городок-то... всего ничего. Либкнехтск, «многие по привычке зовут его Комбинатом, хотя сам комбинат несколько лет уже не работает, зарастает кленами и травой». В рассказе, в общем-то, и нет сюжета — просто жизнь, серая, убогая, наша. Про другую жизнь и не знает никто: «из жителей городка за границей побывал только дядя Женя, он в начале восьмидесятых в Польше служил... — И что поляки? — Да черт их знает! Что нам, докладывают?»

Вот и весь сюжет.

Тянется жизнь. Тащится. Плетется... «События происходят редко и плохо помнятся <...> Область дает мазут, котельная функционирует, есть отопление в домах, даже вода горячая. Мужики кто в охрану устроился, кто в такси». В городке есть

свой «авторитет», бандит — не бандит, кто разберет, хозяин комбината, «дом ... построил большой, из красного кирпича, с башнями, чтобы было понятно, как он, Сашка, поднялся». Больше нет ничего в городке. Ну еще разве девушка в больнице лежит, «в реанимации, на аппарате искусственного дыхания. Каждый день в больницу приходит муж, его не пускают, да он и не просит врача ни о чем». Женщина без сознания. «Кора головного мозга безвозвратно повреждена, но сердце еще работает, а дыхание обеспечивает аппарат». Женщина родила несколько дней назад. А потом началось: давление под триста и судороги. Пытались сделать что-то, да какое в городке маленьком оборудование, лекарства, и то не все, обычно рожать в область отправляют, не успели просто. Что тут сделаешь. Вот и лежит теперь в реанимации. Эклампсия! Главное, чтобы сорок два дня прожила. А там уж не важно. Откуда такая странная цифра? «В первые шесть недель после родов это считается как материнская смертность, а если потом, то нет». Статистика важнее жизни. Вот как! Впрочем... «Трудно человека на аппарате держать, да и не может случиться, чтобы за месяц с лишним в больнице ни разу не отключилось бы электричество»...

И только муж все ходит зачем-то и ходит: как она? Надежда есть?

Всегда есть надежда, — отвечает доктор, — пока человек жив.

А мы понимаем — не о женщине вовсе в рассказе речь. Речь о жизни. О жизни городка. Словно, если встанет она с постели, все изменится, забуллит вокруг, выйдет Либкнехтск из спячки, комы, реанимации. Заработает комбинат. Но пока все по-прежнему. И выход не виден, тем более в любой момент могут отключить электричество. «Вы бы знали, в каком мы дерьме...» — живем — хочется добавить уже за героем «Кейп-кода». Это про нас. Про нашу страну. Мы это понимаем. Впрочем, «в войну жили хуже. Да и после войны — не особенно хорошо. Лучше нынешнего никогда не жили». Это Осипов о Либкнехтске. Это Осипов о стране. Это Осипов о нас. О нашей жизни. Шутит? Нет. Смеется? Нет. Грустит? Пожалуй. Такой вот он писатель Осипов. Врач. Ставит диагноз. Отстраненно? Нет, пропуская через себя. А нам с этим диагнозом жить. Или нет? А можно ли вырваться из круга? Все мы живем в Либкнехтске...

Можно!

Кто-то скажет — нет света в рассказах Осипова. Мрачно все. Не соглашусь. Не увидишь сияния, закрывши глаза. Рассказ «Волною морскою» — словно восход солнца над серой жизнью. Не случайно название это дает автор и всему сборнику. Свет где-то над морем. И не суть, что «Волною морскою» исполняют на погребении священников. Осипов поет эту песнь, хороня старую жизнь. Осталось только дожить до рождения новой. Рассказ о жизни. Семья священника. Впрочем, семьи-то нет как таковой, «вещей, которые он мог бы рассказать ей одной [жене], становилось все меньше, почти не осталось совсем. Странно, что она стала обходиться без... как бы сказать? (Осипов какой-то „не современный“, в его произведениях все целомудренно)...телесной с ним близости». Детей нет, любовь давно ушла. Есть только собака. «Иногда казалось, что единственное, что их с Мариной связывает, и есть собака. Еще, разумеется, то обстоятельство, что, если они разведутся, отцу Сергию придется оставить сан». Но и собака умирает. Значит, должно умереть все. Осипов приводит героев в тупик, из которого выход один — смерть. Она рядом... то ли инфаркт, то ли что-то иное. «Господь ему даст иную форму существования. Может быть, прямо сегодня и даст». Отец Сергей готов. Ан нет... все не так... смерть есть, но не его, чужая, хотя автор о ней словно мимоходом, мы лишь догадываемся. Сосед по палате, в реанимации. А священник здоров, совершенно здоров. И что-то меняется в тебе, когда ты проводишь день с человеком, которому суждено завтра умереть. Не тебе умереть, ему. Так бывает, время переосмысления жизни, хоть и не понимаешь, что это оно. Наступает утро, новый день, приходит осознание счастья, неожиданно совсем — кто бы подумал — семьи. Приходит ощущение жизни вокруг, словно не видел ее раньше — «...цветы распустились сразу на всех деревьях... Вот вишни, вот яблоны <...> перед крыльцом сирень <...> и даже на елке ... обнаруживается подобие цветов. Желтое на зеленом, только сейчас заметил. Елки тоже цветут».

Священник приходит из больницы в дом. Изменившийся, новый, здоровый, другой. Любящий! «— О Господи, — смотрит на него удивленно проснувшаяся жена, — Подожди, я оденусь. — Нет, — говорит он, — зачем? ...Хорошо бы так было всегда, до глубокой старости. „Бог и баба”» — вспоминает он своего учителя. Бог и баба —

жизнь». «Хорошо быть живым». Все вернулось. Семья, дом, жена. Он вырвался из круга. И показал путь другим. Каждый сможет его пройти. Если захочет...

Не такой уж и депрессивный этот писатель — Осипов. Читаешь его, и хочется жить. Много, долго, вечно. Просыпаться рано и сквозь полуприкрытые ресницы ловить лучи восходящего солнца. А потом открывать глаза и смотреть на мир. Вот чему нас учит Максим Осипов. Видеть светлое за темным...

Александр КОТЮСОВ

Нижний Новгород